

Портрет края

7 декабря 2019 года исполнится 85 лет со дня образования Красноярского края. По случаю такого рода юбилеев принято говорить о неисчислимых природных богатствах, и они, безусловно, наше большое преимущество. Но есть еще одно сокровище, о котором нельзя забывать: 85 лет – целая бездна пережитого нами, нашими отцами, дедами; это великое множество историй – давних или новых. Так уж устроен нынешний мир: человек всегда в курсе того, что творится в других, иногда далеких странах, но часто не знает, что происходило и происходит рядом. Именно поэтому НКК предпринял большое путешествие. В течение всего юбилейного года наши корреспонденты побывают в каждом из районов края, включая самые отдаленные уголки, и расскажут о том, чем жили и живут наша земля и – самое лучшее производное от этого слова – наши земляки.

S ≈ 2 590 км²

население

7 370

человек

(по данным на 2019 г.)

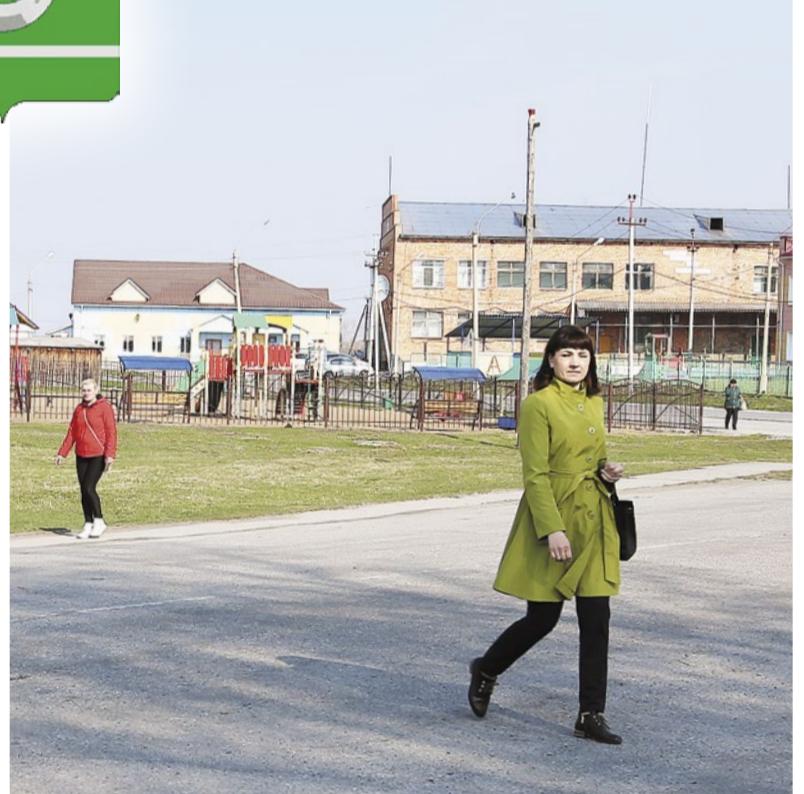
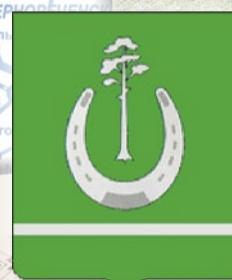
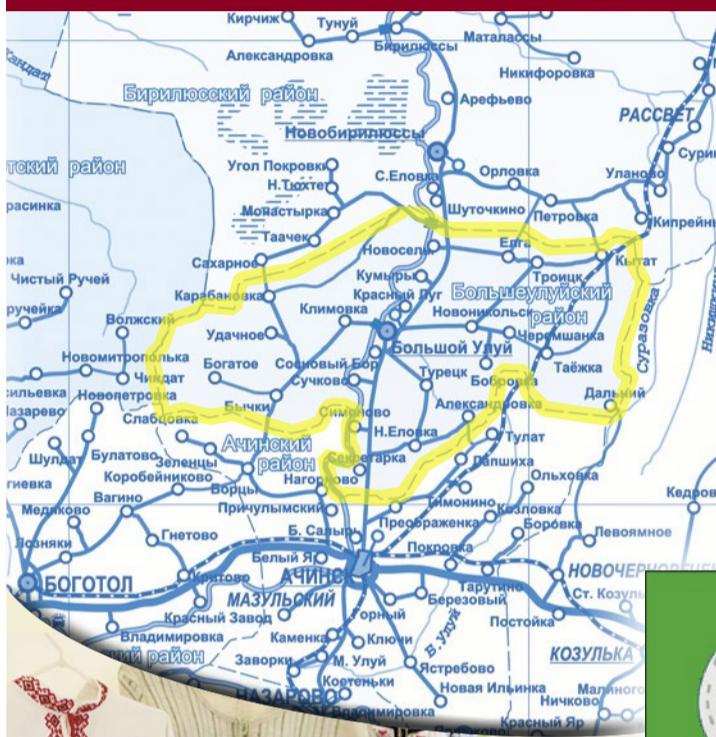
Расстояние до краевой столицы –

225 км

Количество населенных пунктов в районе – **36**

Районный центр – село Большой Улуй

БОЛЬШЕУЛУЙСКИЙ РАЙОН

Заселение территории нынешнего Большегульского района русскими началось с середины XVIII века. Первыми поселенцами стали выходцы из западных губерний Российской империи, прибывшие сюда в 1762–1776 годах. В начале XIX века на территории района было 11 селений: Краснова, Секретарская, Симанова, Нагорная, Сучкова, Ларюшкина, Улуйская, Березовка, Новоеловское, Герасимова, Кумырская. Ни одно из этих селений, кроме Большого Улуя, не имело 50 дворов.

В Большом Улуе действовали перевоз и базар. В 1870 году территория Большегульского района была выделена в Большегульскую волость.

В годы Столыпинской реформы возрастает приток переселенцев, образуются деревни Климовка, Удачное, Карабановка, Ишимка, Бычки и др. В ноябре 1917 года в Большом Улуе был создан волисполком. В апреле 1924 года был образован Большегульский район. В годы Великой Отечественной войны из района было мобилизовано на фронт около 8 тысяч человек, почти половина из них не вернулись. Героями Советского Союза ста-

ли В. И. Давыдов, П. С. Волков, И. И. Туфтов, С. И. Чубуков.

После войны в районе начинает развиваться промышленность. Были построены крахмальный и кирпичный заводы. В селах начали массово строить жилье для колхозников, улицы стали покрывать асфальтом, в домах появились телефоны.

В настоящее время в районе активно развиваются сельское хозяйство, заготовка древесины, нефтепереработка. Ведущим предприятием является Ачинский нефтеперерабатывающий завод, специализирующийся на производстве моторного и авиационного топлива.

В районе насчитывается более 3,5 тыс. личных подсобных хозяйств, которые занимаются животноводством, выращиванием картофеля и овощей.

Где нам повезло

Все большие города так или иначе похожи друг на друга, а деревня неповторима, как человеческое лицо, – от полного безобразия и запущенности до буколической красоты... Большой Улуй – это лицо простое, но ухоженное, на котором все соразмерно и на своем месте. Во всяком случае, именно таким райцентр видится человеку, приехавшему сюда впервые. Но, как выяснилось, так видится не только со стороны. Глава района Сергей Любкин подтверждает:

– Чистота поселка – наша гордость.

И вообще, по его словам, району во многом повезло. Изначально.

– Райцентр расположен на слиянии рек Чулым и Большой Улуй, и места здесь самые видите какие живописные, – говорит он. – Кроме того, мудрые люди, выбирающие площадку для строительства Ачинского нефтеперерабатывающего завода, дали району экономическое подспорье – с 2003 года мы получаем налоги от этого предприятия. Мы сотрудничаем, разрабатываем и воплощаем совместные проекты. Например, детская спортивная школа открыта на средства завода и компании «Роснефть». И вот этот красавец – детский сад, недавно начавший рабо-

тать. Его долго ждали и родители, и дети.

– Какие особенности территории вы считаете наиболее перспективными для развития и, с другой стороны, проблемными?

– Если говорить о перспективах, то сейчас, например, активно развивается сельский туризм. Мы надеемся, что это коснется и нас. Этот вид туризма предполагает не только чтобы люди приезжали сюда, побывали на природе, погуляли и все. У меня есть задумка – проводить трофи в нашем районе, гонки на джипах. Болотистых мест у нас много, есть где побусковать, и может получиться очень зрелищно. Хотя, конечно, есть определенные сложности в реализации этого замысла. Кроме того, мы каждый год участву-

Глава Большегульского района Сергей Любкин уверен: активное участие в краевых грантовых программах поможет преобразить каждое село территории

– А транспортная доступность?

– Поскольку район небольшой, компактный, такая проблема не стоит остро. Конечно, хотелось бы, чтобы построили капитальный мост через Чулым – хотя бы один на два района. Пока пользуемся понтонными переправами, которые, к сожалению, нельзя использовать осенью и во время ледохода. Существует и проблема лесных пожаров. Но здесь и сами люди виноваты – то костер не затушат, то горящую спичку бросят. Вот на 9 Мая, только праздник прошел, сразу поехали тушить – два дня с огнем боролись, чтобы отбить деревни Красный Луг, Кумыры. Но в целом жители района с пониманием относятся к проблемам, сами проявляют инициативу.

Ремесло соединяет людей и времена

Дом ремесел находится едва ли не в главном историческом здании райцентра. В самом начале прошлого века здесь было волостное управление, потом военкомат, позже райком и сельсовет.

И это можно считать символичным, поскольку сама идея Дома – не только обучить детей, объединить мастеров, но и восстановить утраченные прадедовские секреты. Ремесло тоже связывает людей и времена.

К сожалению, многое утрачено. Когда были живы мастера, этому не придавалось особого значения со стороны государства. А когда начали оказывать поддержку, выделять гранты, разрабатывать всевозможные проекты – мастера ушли... Но, как говорит заведующая Домом ремесел Вера Спиридонова, «периодически к бабушкам в сундуки заглядываем, и что можем сохранить – храним». К примеру, ткацкий станок воссоздан по эскизам, причем не полностью, а по частям – одну деталь нашли и срисовали в Новоникольском, другую в Александропровке, третью где-то еще...

– Начинали мы с художественной обработки бересты, дерева, обучали бондарно-

Андрей Фирсов, мастер по дереву, постигал секреты ремесла самостоятельно. «Сибирская технология изготовления туесов отличается от той, что применяют в европейской части России», – говорит он

му искусству и еще понемногу запускали лоскутное шитье, а потом за десять лет направлений стало больше, – говорит она. – Главная фишка – ткачество. Наш сотрудник Дмитрий Иванович Воложанин сам делает ткацкие станки. Сами шьем национальные костюмы тех народов, которые живут у нас – немецкие, латгальские, белорусские, – занимаемся росписью по ткани. Сейчас у нас 11 клубных формирований. Кроме того, здесь обучаются всех

руководителей сельских домов культуры, чтобы они потом учили детей прикладному творчеству. Детей сюда принимают начиная с семи лет. И кроме того, благодаря работе Дома ремесел в каждом сельском ДК есть свои кружки прикладного творчества.

На Кузьминки – праздник Космы и Дамиана – собирают у себя мастеров западных городов и районов края, и получается, по сути, большая творческая мастерская.

Чулымская Ривьера

Если все пойдет по задуманному, то через год-другой берег Чулымка преобразится до неузнаваемости. В лучшую, разумеется, сторону.

– Называется этот проект «Берег мечты», – рассказывает глава Большегульского сельсовета Ирина Арахланова. – Здесь планируется убрать все полуразрушенные здания, огородить и благоустроить территорию, на которой будет семь различных зон отдыха – для новобрачных, детей, для творческих людей и так далее. В нынешнем году за счет участия в краевом гранте «Жители за чистоту и благоустройство», который выиграли, получим полтора миллиона рублей, плюс 395 тысяч предусмотрены в местном бюджете. Деньги потратим на ограждение и планировку и, конечно, продолжим работать в том же направлении, пока наш замысел не воплотится. А вот, например, детскую площадку построили на месте бывшей ярмарки выходного дня за счет все той же грантовой программы. Но то, что вы здесь видите, – только первая часть проекта «Город детства», далее за счет местного бюджета установим тренажеры.

Глава Большегульского сельсовета Ирина Арахланова: «Здесь будет семь различных зон отдыха»

Елга помнит каждого

Начнем с того, чем по идеи надо заканчивать, – с вывода, морали и пр. В деревню Елга стоило приехать хотя бы ради того, чтобы поучиться самым простым и самым важным вещам – почитанию родителей, семьи, родовой истории и вообще своих соплеменников – в прошлом и настоящем.

Рамиля Ишмухаметова показывает одну из ценностей своего дома – слепок, сделанный с маминых рук

– После Гражданской войны деда хотели сделать старостой в селе, но он отказался, сказал: на своих стучать не буду. Вывели его на кукурузное поле с тремя детьми и так держали, никого не подпускали – надеялись, что он одумается. Но дед не одумался. И его сослали в Сибирь. Сначала жили в деревне Борисово Бирюльского района, а потом переехали в Елгу. Звали деда Федот Яковлевич Брыжатый. Бабушку – Василиса Тимофеевна. Украинцы.

Рамиля Михайловна Ишмухаметова разливает чай гостям. На столе – пироги с чесноком, картошка с говядиной, медовик, сотовый мед. Сама за стол не садится, говорит, «мы уже все пообедали». Потом как-то в разговоре узнаешь, что сейчас ураза – мусульманский пост, а Елга – деревня по преимуществу татарская.

– Елга по-татарски значит «речка», просто речка, – продолжает она. – Она у нас была, да заросла вся. А ведь помню, когда маленькая была, ходила полоскать туда белье. Раньше в этих местах были займы нновосельских кулаков, сюда они отдыхать приезжали. Места очень красивые. И мы так думаем, что батрачили на них татары, которые жили в Большом Улуе, в Березовке. Здесь их много было, тех, кто из Татарии уехал. Там ведь был голод, тиф и другие напасти. Дед со стороны мамы, Ахмеди, украл мою бабушку Асыму, и сбежали они в Сибирь. Выкрад не от романтики – от безысходности. У бабушки вся семья умерла от тифа. И у деда старшая жена умерла и дети...

Живет в Елге 160 человек, как уже сказано, по преимуществу татары. Хотя их язык немного отличается от того, на котором говорят их соплеменники, живущие на Волге и Каме. Рамиля рассказывает: часто ездим в Казань на разные

собрания и форумы, но многих слов не понимаем – нам переводят уже по-русски. А вера – та же, традиции практически те же самые – и обряд имяноречения – мулла шепчет новорожденному на ушко молитву и трижды произносит его имя, – Курбан-байрам, Ураза-байрам... Есть и мечеть – в совсем русской по виду избе большая чистая комната, уставленная коврами, на почетном месте – Коран, на стене – изречения из священной книги. А в деревенском клубе, которым заведует Рамиля, собрано все, что можно было собрать об односельчанах, погибших на войне и вернувшихся с нее, переживших вместе со страной самые разные времена, тяжкие по большей части. Целая галерея лиц и личных историй. Вот взятый почти наугад отрывок одной из них. «Низамутдинов Бари Ахмадеевич, 1926 г. р... чтобы попасть на войну, прибавил себе год... продержали его сколько-то времени в Ачинске, помню, со своим командиром приезжали, мы им продали корову на мясо для солдат. Он оставил свою фуфайку и портнянки. Сказал, что ему выдадут, а вам пригодятся, сожмете себе штаны... Рядовой. Умер от ран 14.08.1944 г., похоронен в Резекненском районе, Латвия». Таких историй – читать не перечитать. У Искандера, мужа Рамили, дед погиб в первые дни войны. А ее отцу посчастливилось вернуться домой – дешел до Берлина, трижды кавалер ордена Красной Звезды. И вообще здесь так дорожат своими, так берегут память о них, что зависть берет – почему у нас не везде так.

– Русские в Елге, конечно, тоже живут, – говорит Рамиля, – у меня вот невестки русские, за татар замуж вышли и так по-татарски говорить научились – лучше меня... Сейчас пойдем к ним.

Без детей тишина в уши бьет

В Елге познакомили нас с двумя многодетными семьями, причем родственными – с одной фамилией Саматовы. О таких семьях, где рожают много и берут приемных детей, обычно повествуют в тонах, которыми принято описывать подвиг. И, конечно, что-то от подвига здесь есть.

Но, выслушав два монолога, произнесенных материами семей – мужья, скромно улыбаясь, только вставляли фразы: приличный дом, накормленные, обутые-одетые дети – их слово, – начинаешь понимать: это и есть норма. Которая должна быть. Так ведут себя нравственно и телесно здоровые люди. Просто общепринятая норма занижена, отсюда и восторг. **Рамиль и Зинаида Саматовы** женены 28 лет.

– Когда я приехала сюда в первый раз, как на другую планету попала – язык, обычай, все на русское не похоже, – рассказывает Зинаида. – Думаю, куда меня черти занесли... А потом посидела, поразмыслила и решила – а что, и здесь люди живут. И окончательно с Рамилем сюда переехали. Он – сварщик, я – доярка, потом позвали поваром в школу. Родили сначала сына, затем дочку. А однажды поехали в город, в больницу, и увидели девочку. Белобрысую и маленьющую, полтора года. Рамиль посмотрел на нее и просит – роди мне девочку, такую же. Я говорю – нет, хватит. А она была после операции, вся поби-

▲ Рамиль и Зинаида Саматовы и их дети – те, которых удалось застать дома

тая-перебитая. Брошенная. И так вышло, что приехали мы еще раз, все четверо, посмотрели на нее и решили – берем. Теперь ей 15 лет, вон, видите, по двору носится. Как-то зашла к нам начальник опеки Крутицкая Альбина Александровна и говорит:

«Тут есть двое мальчишек, хорошие, только избалованые. Зина, может, возьмешь, у тебя ведь все документы для этого есть...» И привезли этих мальчишек, и стало у нас пятеро детей. Теперь один уже в армии отслужил, другой служит. Я с работы ушла, дом расстроили. И так детьми увлеклись, что еще одного ребенка родили. Девочку, сейчас ей десять лет. Потом, когда те мальчишки выросли, еще двух мальчиков взяли, девяти и семи лет. Я сама себе много раз этот вопрос задавала: зачем я столько детей себе взяла?

Думала – вот мы, два здоровых человека, можем это сделать. Наверное, есть внутри человека какая-то грань, когда он принимает решение – взять ребенка. Переступит –

возьмет. И так получилось, что мы эту грань несколько раз переступали.

– С детьми какой-то смысл у жизни появляется, – говорит Рамиль. – Разве можно для себя одного жить? Они ведь из детдомов выходят – и теряются. Ничего не умеют, а я их хоть чему-то научу.

Рамиль из семьи, где было пятеро детей, а у родителей Зинаиды – девять. Поэтому оба говорят: «мы привычные». А **Светлана Саматова** – единственный ребенок и всегда мечтала о большой семье. Они и создали ее вместе с мужем Наили Саматовым.

– У нас уже по второму браку, поэтому семья, можно сказать, новая. Когда сошлись, решили мальчика взять – он будет наш общий ребенок. А тут вот мелкий получился нечаянно, на старости лет. Взяли еще 12 лет назад приемную девочку. Всего, получается, у нас шестеро – и четыре внука уже у меня. Младшему четыре исполнилось, а старшей дочке в августе будет 27. А потом так же пришла начальник отдела опеки, сказала – девочка есть, полтора годика. Кто возьмет? А я тогда сыном была беременная. Вот и говорю – я возьму, все равно ведь в декрет уходить. Будет у меня двое. А почему взяла – не знаю. Даже сама от себя не ожидала. Потом другого ребенка вместе с мужем смотреть ездили. Пашем, конечно, с утра до вечера. На кухне только кастрюли мелькают. Но когда дети по своим делам разбредаются – сами не знаем, куда себя деть. Тишина в уши бьет.

Наили и Светлана Саматовы всегда мечтали о большой семье

Молоко для беглых

Владимир Васильевич Усков, краевед, журналист, автор книги «Мы – большеулуицы», трижды переизданной, рассказывает о себе, своих земляках и малой родине.

– Район был местом ссылки как в царское время, так и в 40–50-е годы прошлого века. Поэтому главная наша традиция – гостеприимство, или то, что сейчас называется толерантностью. Когда многие люди из других краев попадают сюда, они ощущают это на себе. Здесь не принято противопоставлять одних людей другим – по национальности, вере.

Владимир Усков:
«Представители каждого народа, жившие здесь, оставили свой неповторимый след»

А сюда ведь попали и немцы Поволжья, латальцы, украинцы, белорусы и русские, конечно, – всего у нас более 15 национальностей. Жили здесь и поляки, сосланные в Сибирь после восстания 1863–1864 годов. Представители каждого народа оставляли здесь свой след.

Жизнь была со своими радостями и трудностями, но всегда заведено здесь помогать друг другу – и в царское время, и позже, и не только в нашем районе, а во всем Причулымье. Были здесь и беглые, ходили по ночам, кормились тем, что подадут. Бабушка мне рассказывала, что всегда на ночь около дома оставляли крынку молока и кусок хлеба. Это делалось «вслепую», для каждого, кто нуждался. А может, в том числе и для того, чтобы себя обезопасить – люди-то ходили разные. Переживала эта земля и очень трудные времена. В 20–30-е годы прошлого века был голод. Отец мой застал этот период, рассказывал, как хлеб буквально выгребали до зернышка. Люди жили на черемше, щавеле, пучках – первую

траву ждали с нетерпением. Отец вспоминал, как в детстве они с другом нашли яйца перепела – есть хотелось страшно, а отвращение к этой еде они не могли преодолеть. Но съели все же...

Невозможно обойти и период репрессий. Я состоял в комиссии по реабилитации и специально занимался этим вопросом. Началось все не в 37-м, а раньше, в коллективизацию. Отдельные семьи голодали, потому что забирали кормильцев. Ссылали, кстати, не только к нам, но и от нас – как, например, семью Василия Иннокентьевича Давыдова, будущего Героя Советского Союза, участника штурма рейхстага. Тогда ему было десять лет... Отца его и дядю расстреляли во вторую

волну репрессий. Когда война началась, мужчины ушли на фронт, а оставшиеся работали не покладая рук и голодали. Тяжелым было и послевоенное время. Как и в тридцатые годы, много людей ходили, просили подаяния. Сам застал это, видел таких людей. Но это уже были остатки нищенства...

Потом жизнь начала налаживаться, но все равно те времена оставили след в образе жизни, традициях наших людей, хотя после войны уже более семидесяти лет прошло. Бабушка, кстати, прошла все эти времена, одна поднимала семью – не было такого, чтобы хлебные крошки со стола просто стряхнула... Но были поворотные события в здешней истории не только трагическо-

го свойства. Одно из них – открытие в конце 90-х моста через Чулым – пусть даже понтона, – что стало, по сути, транспортной революцией для жителей всего района. Асфальтировали дороги, был даже свой асфальтовый завод. К тому же в тех самых девяностых Ачинский НПЗ перечислял вполне хорошие налоги. Правда, народ продолжает уезжать, прежде всего, потому, что работы становятся меньше – теперь нет ни асфальтового завода, ни молочного. За тридцать лет население уменьшилось почти вдвое. Но – уже добавлю от себя – внешне это не замечается, особенно человеком со стороны. Большой Улуй – чистое, ухоженное село, на зависеть многим другим. И жители этим гордятся.

Почти каждое село строит храм

Настоятель храма Святителя Николая Чудотворца в Большом Улуе протоиерей Вениамин Ходов служит здесь уже 21 год.

– Все-таки наш район возвращается к православию, – говорит **отец Вениамин**. – Сейчас практически каждое поселение нашего района начинает строить свой храм. В Новоникольске уже почти построили, готовятся возводить в Новой Еловке, в Березовском поселении то же самое. В Удачинском глава выделил здание, ко-

торое мы оборудовали как мольельный дом. Пока храмов нет в Кытате и Бычках.

Правда, хоть и строятся много храмов по деревням, отец Вениамин остается единственным священником. Поэтому и новые церкви будут приписаны к приходу святителя Николая. Но когда построят, уверен настоятель, пра-

вящий архиерей этот вопрос просто так не оставит и священников обязательно даст. Хотя бы трех.

А в Новоникольске восстанавливают то, что было разрушено.

– Раньше тут был Никольский храм, построенный в 1910 году, – говорит **Галина Дроботова, член попечительского совета**. – В советское время его закрыли, долгие годы, до начала 60-х, здесь было зернохранилище – сюда сво-

зили семенное зерно со всего района.

Потом сделали здесь клуб, в алтаре пели и плясали, потому что там была сцена, далее – зрительный зал, а в притворе – кинобудка. А в 82-м построили новый клуб, здание храма оказалось оставленным, заброшенным и начало разваливаться. И растаскивали понемногу – кто оконные рамы утащил, кто бревно, двери сняли, скот по храму разгуливал...

И вот нашелся молодой человек из Красноярска, Вячеслав Нефедов, сам из семьи священника. Женился он на здешней девушке, приехал в село, увидел такую картину – и начал спасать деревенскую церковь. Первым делом огородил территорию, чтобы скотина не шаталась по святыму месту. Было это в 2011 году. А через два года, летом, начали подключаться к благому делу другие люди.

– Слава написал прошение митрополиту, – говорит **Галина Пряхина, член совета**, и, кроме того, теща Вячеслава, – он благословил. Начали мы деньги собирать. Поначалу не было ни копейки, но потом, не иначе как с Божьей помощью, начали люди жертвовать – и так

Отец Вениамин, настоятель храма Святителя Николая Чудотворца, пока единственный священник на весь район

понемногу поднакопили денег и залили фундамент. На работу собрали, считай, все село.

Когда здесь начнутся службы, местные активисты пока не решаются говорить. Надеются, что скоро. Но одна уже была – отпевали Григория Дмитриевича Слепцова, местного жителя, погибшего в Великую Отечественную. Его останки поисковики нашли на Украине, и после множества лет они оказались на родине, где и упокоились.

Материалы проекта подготовил Александр ГРИГОРЕНКО

Фото Евгения РУССКИХ, Олега КУЗЬМИНА

Благодарим за помощь в подготовке материалов Елену Барабанову, начальника отдела культуры администрации Большеулуйского района

Оставьте свое мнение на сайте gnkk.ru

Старинную церковь в селе Новоникольском восстанавливали всем миром